

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 279–283

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 279–283

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

Научная статья

УДК [353.2:351.82:343.352.4](470.44)|192|

Деятельность Саратовской губернской комиссии Губернского совета народного хозяйства по борьбе со взяточничеством в 1920-е годы

П. П. Федотов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Федотов Павел Павлович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Fedotov-pp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1019-0229>

Аннотация. В статье исследована деятельность комиссии по борьбе со взяточничеством при Саратовском губернском совете народного хозяйства. Анализируются методы работы комиссии и стратегии борьбы с коррупцией в советских экономических органах в начале 1920-х гг. Автор изучает результаты деятельности комиссии как одну из первых чисток в советских органах после утверждения НЭПа.

Ключевые слова: Губернский Совет Народного Хозяйства, комиссия по борьбе со взяточничеством, Саратовская губерния, НЭП, РКП(б)

Для цитирования: Федотов П. П. Деятельность Саратовской губернской комиссии Губернского совета народного хозяйства по борьбе со взяточничеством в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of the Saratov Provincial Commission of the State Agricultural Committee on combating bribery in the 1920s

P. P. Fedotov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Pavel P. Fedotov, Fedotov-pp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1019-0229>

Abstract. The article examines the activities of the anti-bribery commission under the Saratov Provincial Council of National Economy. The methods of the commission's work and strategies for combating corruption in Soviet economic bodies in the early 1920s are analyzed. The author studies the results of the commission's activities as one of the first purges in Soviet bodies after the approval of the NEP.

Keywords: Provincial Council of National Economy, anti-bribery Commission, Saratov province, NEP, RKP(b)

For citation: Fedotov P. P. The activities of the Saratov Provincial Commission of the State Agricultural Committee on combating bribery in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 279–283 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу в условиях всеобщего социально-экономического кризиса, несовершенства законодательства и отсутствия общественного контроля над деятельностью органов государственной власти в советской России происходило разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. В кампании по борьбе со взяточничеством власть придерживалась идеологии классовой борьбы [1, с. 3]. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский на заседании Политбюро ЦК в августе 1922 г. с тревогой констатировал опасность

«разложения и растлевающей деятельности хозяйственных органов» [2, с. 139] и призывал к энергичной борьбе со взяточничеством, как пережитком прошлого [3, л. 38].

Советская власть приняла комплекс мер по борьбе со взяточничеством: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР», активизация органов прокуратуры и рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), широкое привлечение общественности, в частности, через периодическую печать, наконец, создание 1 сентября 1922 г.

Центральной комиссии по борьбе со взяточничеством при Совете труда и обороны (СТО) во главе с Ф. Э. Дзержинским. Помимо представителя Государственного политического управления (ГПУ) З. Б. Кацнельсона, который играл ключевую роль, в комиссию вошли Н. В. Крыленко (Наркомюст), А. И. Свидерский (РКИ) и И. Н. Смирнов (ВЧХ) [4, л. 8].

Вскоре по всей стране были созданы ведомственные комиссии по борьбе со взяточничеством. Одна из первых таких комиссий во главе с И. Н. Смирновым возникла при ВЧХ [5, с. 23]. В Саратовской губернии комиссия по борьбе со взяточничеством при местном Губернском совете народного хозяйства (ГСНХ) была создана 1 декабря 1922 г. и подчинялась напрямую СТО. В ее состав вошли: председатель ГСНХ, заместитель коммерческого директора торгового объединения (ГубТорг) ГубСНХ и секретарь президиума И. Н. Таланов. Деятельность Саратовской губернской комиссии ГСНХ по борьбе со взяточничеством (далее – комиссия) опиралась на циркуляр Наркомюста № 57 от 9 октября 1922 г. «Об объеме понятия взятки» [6, с. 11]. По предложению председателя ГСНХ решили не создавать специальные комиссии по отделам ГСНХ, а назначить уполномоченных. На уезд-

ном уровне комиссия сформировала «тройки» по борьбе со взяточничеством [7, л. 1].

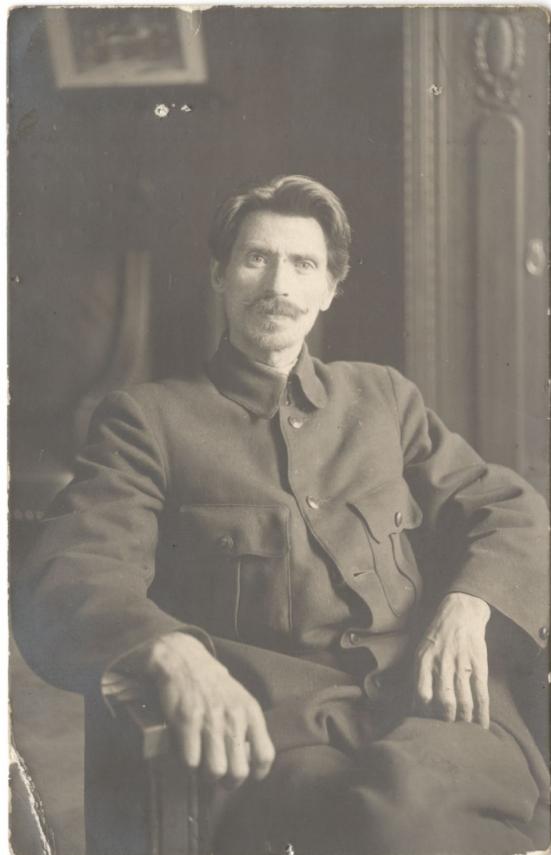
В феврале 1923 г. в состав комиссии ввели представителя от профсоюзов с правом решающего голоса. В случае разногласий между комиссией по борьбе со взяточничеством и профсоюзом по вопросу увольнения того или иного сотрудника спорный вопрос передавался на окончательное разрешение в Экономическое совещание Губернского исполнительного комитета. При этом если возникали разногласия между профсоюзом и Центральной ведомственной комиссией по борьбе со взяточничеством, то дела передавались в бюро при СТО [7, л. 2].

В ходе антикоррупционной кампании во всех отделах ГСНХ появилась специальные ящики с сургучной печатью для жалоб и заявлений в комиссию о фактах нарушения законов и злоупотреблений. Ключи от ящика хранились у секретаря комиссии. Ящик вскрывался по пятницам. Собрания назначались по субботам в 2 часа в кабинете председателя ГСНХ [7, л. 3].

Популяризация работы нового органа должна была осуществляться через газету «Саратовские известия». В частности, в статье «Борьба со взяточничеством. К населению Саратовской губернии» отмечалось, что «взяточничество – это величайшее зло, разворачивающее как население, так и правительственный работников» [8, с. 3]. Губисполком обращался к населению Саратовской губернии с призывом помочь в борьбе с коррупцией: «Имейте гражданское мужество и смелость, не боясь никаких неприятных последствий, шлите заявления в Губпродком и на местах уездным уполномоченным ГПУ и сообщайте о всех случаях взяточничества» [8, с. 3].

Активное участие в борьбе с коррупцией принимала Саратовская губернская рабоче-крестьянская инспекция. Так, в порядке ревизии в инспекцию поступил на проверку договор, составленный председателем Губсельтреста о продаже товариществу «Промкооп» «громадной партии мануфактуры» на 18 млрд руб. Членов инспекции «поразили» низкие цены, по которым была продана мануфактура. Помимо этого, «Промкооп» заплатил на момент продажи только 1/6 часть средств. Материалы сделки были переданы губернскому прокурору [9, с. 3].

Деятельность комиссии по борьбе со взяточничеством пришла на очень тяжелый в хозяйственном плане год в Саратовской губернии. Видный деятель местного ГСНХ К. Е. Плаксин отмечал, что «первая половина 1922 года проходила под давлением стихийного бедствия неурожая, страшного голода, и все внимание было направлено для борьбы с голодом» [10, с. 18]. С введением НЭПа уровень заработной платы государственных служащих не увеличился. Кроме того, многие выходцы из социальных низов стремились использовать свои властные возможности для удовлетворения материальных

И. Н. Таланов, секретарь комиссии по борьбе со взяточничеством при Саратовском ГубСНХ (СМК 22408/61)

потребностей, как отмечал С. В. Воробьев, «конвертировали их в вещественные радости жизни» [11, с. 61]. В совокупности все это не могло не сказываться на формировании благоприятной среды для процветания коррупции в советских органах.

В феврале 1923 г. комиссия по борьбе со взяточничеством при ГубСНХ приступила к заполнению анкет сотрудниками Управления трестовых объединений и просмотру личного состава в губернском масштабе. В основу работы по проверке личного состава была положена борьба со взяточничеством в прямой и скрытой форме, хищениями, злоупотреблениями, незаконным посредничеством и маклерством, использованием служебного положения в личных целях, а также проверка сотрудников с политической и хозяйственной стороны: кто из них является торговцем или имеющим свою торговлю, занимается кустарничеством с применением наемного труда. Большое внимание уделялось совместительству должностей и совместной службе родственников [12, л. 26].

При просмотре анкет все сотрудники были разделены на 6 основных групп: 1) подлежащие оставлению на службе, 2) подлежащие сокращению за ненадобностью или по несоответствию, 3) подозреваемые, требующие выяснения, 4) подозреваемые, требующие увольнения, 5) подлежащие занесению в секретный список, 6) подлежащие преданию суду [13, л. 27] (таблица).

К второй группе относились сотрудники, к которым не было никаких политических или экономических претензий, но их критиковали за безынициативность. В третью группу вошли лица, которые своим поведением вызывали подозрение в преследовании личных интересов и выгод. Против них не было конкретного материала, но составлялся вывод из анализа работы

служащего в целом. За лицами из этой группы устанавливалось наблюдение. В случае подтверждения они становились кандидатами на увольнение. В четвертую группу вносились лица, против которых имелся конкретный материал в совершении ими неблагонадежных поступков. Архивные документы свидетельствуют о том, что материалов было так мало, что подозреваемых невозможно было привлечь к суду. К пятой относили людей, которые принесли заметный хозяйственный и политический вред Республике, т. е. тех, кого нужно было внести в секретный список [13, л. 27].

Всех лиц второй, четвертой и шестой групп предлагалось уволить с соблюдением всех правил кодекса о труде. Причем лица второй группы увольнялись с формулировкой «о несоответствии своему назначению или ненадобность», четвертой – «по постановлению Губкомиссии по борьбе со взяточничеством или происходящую чистку». Шестые предавались суду [13, л. 27].

В целях предохранения аппарата ГСНХ от засорения ненужным элементом, уволенным по чистке из других советских учреждений, при ГСНХ создавалась аттестационная комиссия из представителей администрации, местного комитета партии и комиссии по борьбе со взяточничеством, в состав которой входили три члена партии при трестах и уездных объединениях [13, л. 28]. После проверки и чистки личного состава аппарата были подвергнуты пересмотру все штаты Управлений ГСНХ и Губернских управлений. Для этого создавалась «тройка». В уездах проверка осуществлялась в порядке проводившейся плановой работы ГСНХ. Такой пересмотр осуществлялся по экономическим причинам под углом зрения научной организации труда ради сокращения накладных расходов на продукцию. С политической стороны штат проверялся первоначально [13, л. 30].

Количество сотрудников, уволенных в учреждениях ГСНХ по решению комиссии по борьбе со взяточничеством в 1923 г.

Учреждение	Количество анкет сотрудников	Количество сотрудников в группе						Процент сокращений
		1-я гр.	2-я гр.	3-я гр.	4-я гр.	5-я гр.	6-я гр.	
По функциональному управлению*	187	176	11	–	–	–	–	6
По Губернским трестам ^{*2}	920	842	41	24	13	–	–	9
Уездные объединения ^{*3}	589	499	62	10	17	1	–	15
Уездн. отд. ГСНХ ^{*4}	81	76	1	3	1	–	–	6

Примечание. * – Управление делами, Финансово-коммерческое управление, Промышленно-экономическое управление, Отдел рег. торговли, Рауспирт, Управление уполномоченных ГУТ, Электроуправление; ^{*2} – Губторг, Комбинат, Гублеспром, Маслоторг, Объедин. Химическ. зав. Полиграфпром, Кожпром, Метпром, Фабрика «Саратовская мануфактура», Табачная фабрика, Государственная строительная контора; ^{*3} – Аткарский управгоспр., Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Сердобский, Хвалынский; ^{*4} – Уездн. отд. ГСНХ: Б-Караулакское, Дергачевское, Еланское, Новоузенское. Сост. по: [7, л. 20].

Одной из задач Губкомиссии была проверка торговой деятельности органов ГСНХ путем контроля и просмотра договоров, заключенных с 1 января 1923 г. с государственными учреждениями, кооперативами и частными лицами. Результатом данной проверки являлась точная характеристика всей торговой деятельности как с политической, так и с экономической точек зрения. Количество расторгнутых договоров характеризовало уровень работы членов экономических органов и трестов. В агентурном деле обращалось внимание на недостачу грузов, а в складском – на порчу продукции. [13, л. 31]

В скором времени деятельность комиссии дала свои результаты. Так, 23 января 1923 г. на заседании Правления Балашовского Уездного отделения Всероссийского союза рабочих полиграфического производства разбирались «преступные действия» заведующего типографии. Правление Союза обнаружило ряд фактов, устанавливающих преступные действия, на основании которых делался вывод, что обвиняемый извлекал личные выгоды. В частности, в июне 1922 г. заведующим типографией на личные надобности было выписано 20 000 000 рублей (по номиналу денежных знаков 1921 г.). Между тем расход этот был фиктивно снесен якобы на командировку некого Васильева за бумагой. В июле 1922 г. заведующим типографией был принят заказ от Уездного отделения народного образования на изготовление 28.500 экз. ученических тетрадей. Они были сделаны, но в книгах типографии о них почти нигде упоминаний не было (кроме журнала книжных заказов) и, согласно бухгалтерии, счета на них не выписывались [7, л. 5].

Позже был установлен факт взятия заведующим типографией еще 50 000 000 рублей. Деньги эти сносились в расход по ордерам за мытье полов как жалованье поломойке. По документам она получала за каждое мытье полов 15 000 000 рублей, а расписывалась за 25 000 000 рублей. В документах сумма прописывалась позже. В конечном итоге предлагалось довести изложенные факты до сведения Управгоспрома и Упрофбюро и просить отстранения заведующего типографией [13, л. 5]. Таким образом, проверяя сообщения о взятках и ведя свою деятельность, комиссия просматривала документацию на местах, сопоставляла ее с бухгалтерской.

Некоторые служащие делали запрос в комиссию о себе для разъяснения о том, нарушают ли они какие-либо нормы закона. Так, среди архивных материалов удалось обнаружить заявление председателя правления Саргосстроя инженера Бодзевича о его совместной службе с женой, которая работает в ГСНХ на должности машинистки с 1921 г. Инженер переживал, что работа двух супругов в одном ведомстве может быть расценена как элемент коррупции. Комиссия ре-

шила, что препятствий в совместной службе нет [7, л. 7].

В феврале 1923 г. промышленно-экономическое управление ГСНХ предложило освободить от должности инженеров Петрова, Кошелева, Турчанинова, архитектора Малинина, статистика Табакова. В конечном отчете о работе Губернской ведомственной комиссии по борьбе со взяточничеством содержалось разъяснение о причинах снятия с должностей: Малинин увольнялся «виду перегрузки работой в других должностях», а все остальные – по несоответствию [13, л. 15]. Интересно, что Табакова в итоговом отчете вообще не упоминается. Возможно, это связано со сменой фамилии.

В данном ключе интересен отчет уполномоченного по борьбе со взяточничеством в Хвалынском Управгоспроме. Он сравнивал коррупцию в Советском Союзе с контрреволюцией, называя взятку «злом» [7, л. 18]. Приступая к выполнению задания комиссии при ГСНХ, уполномоченному удалось завербовать из служащих осведомителей членов РКП (б). К марта 1923 г. в Хвалынске таких осведомителей было двое: один служащий при Управгоспроме, второй – при маслозаводе. Функции первого осведомителя распространялись на два магазина и складские помещения [7, л. 18]. Сложно говорить об эффективности института осведомительства и о том, можно ли сравнивать его с доносительством 1930-х гг. Главное, что основным инструментом борьбы с коррупцией признавалось анкетирование.

Уполномоченные знакомились с личной жизнью служащего, его поведением и семейным укладом. Несмотря на то, что при Управгоспроме имелся ящик для заявлений о взяточничестве, в течение долгого времени ни одного заявления в нем не было. На вверенной уполномоченному территории массовых преступлений не было обнаружено органами внутренних дел. Кроме одного. Заведующий Хвалынским меломольным заводом Астафьев был уличен в недостаче 200 пудов нефти. Расследование на момент работы комиссии продолжалось. Дело лишь успели передать в суд [7, л. 18].

В целом положение в Хвалынске считалось удовлетворительным. В отчете Саратовского губернского совета народного хозяйства отмечалось, что все заключенные договоры являлись правомерными и хищения в поставках масла в Саратов отсутствовали. На складских помещениях осуществлялся постоянный надзор, велся подробный учет приема и выпуска товаров и материалов записями в соответствующих книгах. Наличие товаров периодически сверялось по книгам бухгалтерии. Усушки, потери и изменения товаров на складах хранения незначительные. За состоянием складов следили очень пристально, старались рационализировать их количество и стремились приспособить их для хранения разных типов товаров [14, с. 155].

Список литературы

Из таблицы видно, что за 4 месяца работы комиссии в различных учреждениях ГСНХ чистке подверглись от 6 до 15% работников. Причины увольнений были самые разнообразные: по несогласию (25 чел. – 13,6%), за ненадобностью (13 чел. – 7,1%); за сокращением должности (10 чел. – 5,4%); по ликвидации складов и учреждений (13 чел. – 7,1%); за небрежное отношение к делу (12 чел. – 6,6%); за грубость и чиновничество (1 чел. – 0,5%); за антисемитизм и леность (1 чел. – 0,5%), за недобросовестное отношение (11 чел. – 6%); по совместительству (4 чел. – 2,1%), как ненужный элемент (1 чел. – 0,5%); за пьянство (5 чел. – 2,7%); за спекуляцию (4 чел. – 2,1%); за политическое прошлое (4 чел. – 2,1%); как занимающихся сельским хозяйством (11 чел. – 6%); за кляузничество (1 чел. – 0,5%); за варку самогона (1 чел. – 0,5%); по родству (7 чел. – 3,8%); как балласт (2 чел. – 1%), за побои рабочих (1 чел. – 0,5%); за взятку (4 чел. – 2,1%); за хищение (6 чел. – 3,2%); за подлог (2 чел. – 1%).

Судя по причинам и количеству уволенных, комиссия стала чем-то большим, чем просто временным органом по борьбе со взяточничеством. Была проведена масштабная кадровая ревизия, вырабатывались механизмы недопущения уволенных сотрудников на аналогичные должности в другие ведомственные органы. В ходе кампаний были предприняты попытки внедрения элементов общественного контроля над работой госаппарата через периодическую печать и организацию различных бюро, столов и ящиков жалоб для населения. В циркулярном письме в комиссию по борьбе со взяточничеством при ВСНХ от 20 июля 1923 г. сообщалось, что комиссия в Саратовской губернии ликвидирована, а отчет был направлен в Москву 12 мая [12, л. 18].

Поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025